

Таблица 3

	На русском	На других языках
Всего книг	98 819 08	20 017 605
Религия	1,9%	19,3%
Наука	19,2%	10,6%
Учебные пособия	20,8%	10,0%
Поэзия и театр	7,8%	15,3%

3. Национальная и языковая политика советского государства

3.1. Этноязыковая ситуация после краха Российской империи

Сразу после Февральской революции оформляются многочисленные национальные движения и партии, требующие, как минимум, автономии, но зачастую и независимости. Начинается то, что сегодня назвали бы “парадом суверенитетов”. Временное правительство уже в марте 1917 г. признало независимость Польши, затем многие национальные окраины добились разнообразных уровней автономности. Повсеместно создавались параллельные властные структуры, которые центр контролировал всё хуже. Приход к власти большевиков катализировал эти движения. Одним из первых документов советской власти стала “Декларация прав народов России”, провозглашавшая “свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп”, “право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства”; все национальные и религиозные привилегии и ограничения отменялись. Собравшийся в январе 1918 г. III Всероссийский съезд Советов объявил о создании нового социалистического государства, Федеративной республики советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Принятая съездом “Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа” по существу признавала субъектами национальных взаимоотношений пролетариат и крестьянство, а не национальные группы в целом.

Несмотря на ясные программные заявления по национальному вопросу, партия большевиков не имела единого

мнения относительно способов их реализации, что еще раз подтверждается недавней публикацией документов, относящихся ко времени образования и становления СССР [Несостоявшийся... 1992: 87–229].

Провозглашение федеративной республики подразумевало появление членов этой федерации; но к реальному возникновению национальных автономий многие практики большевизма относились настороженно. М. Лацис в марте 1918 г. пишет в “Известиях ВЦИК”: «Мы имеем в проекте и в стадии практического осуществления два татарских “царства” – Казанское и Крымское. За ними потянутся и остальные татары. Пример заразителен. Заговорили о своей республике и киргизы, а чем же хуже их башкиры, сарты, ряты [буряты?], якуты и многие, многие другие? <...> Предоставление этого права неразвитым народностям, без сильного или при совершенном отсутствии пролетарского элемента более чем опасно» [Несостоявшийся... 1992: 74–75]. Это не случайное высказывание, оно отражало идеологию значительной части коммунистического руководства страны: демократические формы подразумевали жесткое идеологическое наполнение.

Как известно, в дальнейшем в стране формировались культуры, “национальные по форме, социалистические по содержанию”.

Последующая судьба народов и их языков во многом зависела от наличия и уровня автономии, ее границ. Союзные республики были в более выигрышном положении, чем автономные; народы, оказавшиеся вне РСФСР, часто были в худшем положении, чем меньшинства России, и т. д.

Самые первые шаги, предпринятые новой властью в области национального строительства, *выглядят* вынужденными. Республики, образовавшие в 1922 г. СССР, имели своих предшественников в виде независимых государств, и советская власть не могла проявить меньше демократизма, чем “буржуазные” правительства. Вероятно поэтому первая конституция Белорусской ССР объявила государственными четыре языка: русский, белорусский, польский и идиш³².

³² Ранее они были объявлены языками Белорусской Народной Республики, провозгласившей в 1918 г. независимость от Советской России на всей территории расселения белорусов, как она понималась в дореволюционный период; вскоре республика была оккупирована Германией. Как только части Красной Армии, занимавшие территорию при эвакуации немецких

Советская Россия не спешила стать федеративной.

Первой признанной центром автономией стала Автономная Область Немцев Поволжья. Поволжские немцы после Февральской революции образовали в Саратове Временный комитет самоуправления; в июне 1918 г. 1-й Съезд советов немцев Поволжья провозгласил автономию, классовая сущность которой поначалу была не вполне ясна, поэтому ленинский декрет об образовании АО Немцев Поволжья “в целях укрепления борьбы за социальное освобождение немецких рабочих и немецкой бедноты” появился только 19 октября 1918 г. Классовое содержание автономии было подчеркнуто переименованием ее в том же году в Трудовую Коммуну Немцев Поволжья.

Первой советской республикой, провозгласившей себя автономией в рамках Советской России в апреле 1918 г., стала Туркестанская АССР. Однако на той же территории еще в ноябре 1917 г. на 4-м Чрезвычайном краевом мусульманском съезде в Коканде уже была провозглашена автономия, не признавшая советскую власть. В крае шла гражданская война. Центр не был уверен, во что выльется признание автономности всяких “сартов и многих, многих других” при отсутствии “сильного пролетарского элемента”, поэтому ЦК РКП(б) принял “Положение об автономии Туркестана” только в 1920 г., а постановление ВЦИК об образовании Туркестанской республики вышло лишь в апреле 1921 г.

Датой образования Башкирской АССР в составе России (второй АССР после Туркестана) почему-то считается 23 марта 1919 г. — дата публикации подписанного тремя днями ранее “Соглашения Российского рабоче-крестьянского правительства с Башкирским правительством о советской автономии Башкирии”³³. Провозглашенная через год с

войск, оказались в Смоленске, здесь, на белорусской территории, была провозглашена БССР (1 января 1919 г.), и ВЦИК Советской России признал ее независимость. Позже территория Белоруссии была оккупирована Польшей, а вслед за ее окончательным освобождением в ходе советско-польской войны под юрисдикцией Белорусской ССР оказалось лишь неполных шесть уездов бывшей Минской губернии. Именно это карликовое государство участвовало в подписании договора о создании СССР. В новой, более спокойной политической ситуации единого СССР Белоруссии были переданы сначала Витебск и Могилев (1924), а позднее Гомель (1926).
³³ Еще в ноябре 1917 г. в Оренбурге произошел всебашкирский курултай (съезд), образовавший Башкирское правительство; часть его членов была арестована при временном занятии Оренбурга советскими войсками в ян-

лишним (27 мая 1920 г.) Татарская АССР никак не могла иметь статус ниже Башкирии, но появившиеся позже в том же году национальные образования чувашей, марийцев и удмуртов получили лишь статус автономных областей.

В октябре 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло подготовленное Лениным постановление, где говорилось о необходимости создания автономий, “в соответствующих конкретных условиях формах для тех восточных национальностей, которые не имеют еще автономных учреждений, в первую голову для калмыков и бурят-монголов” (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 342). По свежим следам декрет об образовании Калмыцкой АО выходит 4 ноября³⁴, а образование бурятской автономии в РСФСР откладывается до января 1922 г. и происходит заметно позже провозглашения правительством Дальневосточной Республики аналогичной автономии для восточной Бурятии (апрель 1921 г.).

3.2. Национальная политика в СССР

К 1922 г. были заложены основы национальной политики на весь советский период. Государство формировалось как система иерархически упорядоченных национальных образований, в пределах которых официальные функции должен был выполнять язык соответствующего народа. Чем

варе 1918 г. Но правительство продолжало действовать, его признавали оренбургский войсковой атаман А. И. Дутов, образованный в Самаре в июле 1918 г. Комуч (Комитет членов Учредительного собрания), Уфимская директория. С переходом власти к А. В. Колчаку башкирская автономия ликвидируется; тогда Башкирия подписывает с Москвой упомянутое соглашение, и башкирские войска активно участвуют в освобождении летом 1919 г. Южного Приуралья от войск Колчака. Руководитель Башкирии, коммунист А.-З. Валидов, обвиняется в национализме и выводится из состава Ревкома; с целью создания компартии Востока он уезжает в Туркестан, но позже вынужден был эмигрировать.

³⁴ Первое признание центром своей автономии калмыки получили вместе с Украинской Радой, но случилось это еще при князе Львове (1 июля 1917 г.). В дальнейшем калмыцкий народ стойко встал на защиту “феодально-кулацкой” Степной области калмыцкого народа, и утверждение на ее территории советской власти пришлось вести методами, близкими к геноциду. Численность калмыков за годы революции и Гражданской войны сократилась почти вдвое; частично это последствия эмиграции и голода, но в первую очередь результат физического уничтожения. Калмыки — один из немногих народов России, численность которого сократилась за последние 100 лет, и, в отличие от мордвы или карел, с физической ассимиляцией это связано мало: в 1897 г. калмыков было 190,6 тыс. человек, в 1926 г. — 132,0, в 1959 г. — 106,1, в 1989 г. — 173,8.

ниже был ранг национального образования, тем меньшей автономией оно пользовалось, но число общественных функций местных языков теоретически не уменьшалось, предполагалось, что в рамках, скажем, автономной республики ее титульный язык³⁵ совершенно равноправен с языком соответствующей союзной республики, а язык союзной республики — с фактически общегосударственным русским языком³⁶.

На момент образования Советского Союза РСФСР включала в себя 8 АССР (включая Туркестанскую и Киргизскую), 12 автономных областей, 2 трудовые коммуны; Хорезмская и Хивинская Народные Советские Республики находились с РСФСР в договорных отношениях. Украина и Белоруссия не имели в своем составе автономий. ЗСФСР являлась конфедерацией трех закавказских союзных республик, среди которых к Азербайджану на правах автономии относилась Нахичеванская ССР; в состав Грузии входили Аджарская АССР и Юго-Осетинская АО, а также, на договорных началах, Абхазская ССР. Национальный принцип организации республик не был выдержан в Средней Азии, и здесь в 1924—1925 гг. было проведено национальное размежевание: возникли Узбекская и Туркменская ССР и автономии, три из которых (Таджикистан, Казахстан, Киргизия) позднее получили республиканский статус.

Теоретически границы союзных республик и автономий разного уровня должны были совпадать с компактными этническими территориями. Для создания подобных административных единиц существовали объективные препятствия: часто народы жили чересполосно, а этнический состав городов нередко сильно отличался от этнического состава окружающей их сельской местности. Выход из этого был найден. Во-первых, если в пределах этнического ареала не находилось достаточно крупного населенного пункта, то столица автономии могла располагаться вне ее самой — центром Адыгейской АО первоначально был Краснодар, отделенный от территории автономии р. Кубань; с разделением Горской АССР на Осетинскую АО и Ингушскую

³⁵ Сам термин *титульный язык* стал использоваться лишь к концу советского периода.

³⁶ Официального статуса русский язык не имел, вошедший в обиход в 1970-х годах термин *язык межнационального общения* в советский период законодательно закреплен не был.

АО столицей обеих остался Владикавказ, выделенный в особую административную единицу Северокавказского края и не входивший в состав автономий; до 1929 г. не входил в состав Чечни Грозный, располагаясь внутри ее территории, и т. п. Второй путь — создание автономий внутри автономий. В связи с этим понятие *национальное меньшинство (нацмен)* получает важное уточнение: к числу национальных меньшинств относится всякая национальная популяция, живущая вне своего национального образования или в инонациональном окружении. Любое национальное меньшинство имеет право на национальное административное образование, где его язык будет функционировать как официальный. Скажем, греки или русские, компактно проживавшие на Украине, получили право на создание национальных районов, при этом русское село в греческом национальном районе могло образовать национальный сельсовет. На нижних административных уровнях эта система работала относительно хорошо, однако конституционно не закрепленные национальные сельсоветы, районы и (первоначально) округа ликвидировались с такой же легкостью, как и создавались.

Что же касается союзных и автономных республик, то их границы могли оставаться неизменными, могли меняться, но, как правило, не по мотивам этнического состава.

В одном случае, как на Кавказе, где границы “сложившись исторически” в ходе Гражданской войны, они не подлежали пересмотру. В результате лезгины и осетины образовывали единые массивы, но жили в разных республиках; населенный армянами и примыкающий к Армении Ахалкалакский район оставался в Грузии; талыши, которые составляли абсолютное большинство в районе Ленкорани (на 1926 г. их было 77 тыс. человек), не получив официального признания в начале 1920-х годов, подверглись позднее жесткой дискриминации и т. п.

Часто границы проводились с учетом очевидных политических соображений: земли Уральского казачьего войска отошли к Казахстану, а Оренбургского и Сибирского войск были поделены между РСФСР и Казахстаном; Татарская АССР была сформирована “по минимуму” территории, при том что в соседних с ней республиках приходилось организовывать национальные районы и сельсоветы. Из более поздних событий отметим невосстановление автономий

крымских татар и немцев Поволжья, хотя автономии остальных репрессированных народов были восстановлены. Бывали и чисто экономические причины: передача части Ненецкого округа в Коми АССР с началом разработки Воркутинского угольного бассейна, передача Каракалпакской автономии из Казахстана в Узбекистан; или экономико-политические: ликвидация эвенского Охотского национального округа, когда вся его территория фактически попала под юрисдикцию Дальстроя (дальневосточного подразделения ГУЛАГа).

В других случаях причины не столь очевидны и, скорее всего, связаны с наличием или отсутствием своевременного “этнического лоббирования” в ту или другую сторону (создание Чукотского, Охотского, Витимо-Олекминского, Эвенкийского национальных округов никак не затронуло территорию соседней Якутии, хотя этнические территории чукчей, эвенов, эвенков пересекали ее границы и для этих народов там параллельно создавались национальные районы).

После 1930 г. список автономий по существу уже не пересматривался. Лишь в 1934 г. возникла Еврейская АО, части Бурят-Монгольской АССР в сентябре 1937 г. были преобразованы в Агинский и Усть-Ордынский национальные округа, и статус автономной области получила при вхождении в СССР в 1944 г. Тувинская Народная Республика. В этой связи не удивляет, например, что с присоединением в 1940 г. Бессарабии граница между Молдавией и Украиной в Буджаке проводилась без всякого внимания к расселению живших здесь компактно и составлявших большинство болгар и гагаузов: две трети болгар оказались на Украине, а большая часть гагаузов — в Молдавии.

Языковая судьба народов, не получивших собственных автономий, зависела от того, на чьей территории им суждено было оказаться, поскольку национально-языковая политика разных республик сильно различалась. Например, компактно проживавшим в Азербайджане курдам, получившим поначалу национальный район (между Карабахом и собственно Арменией), с конца 1930-х годов было “положено” считаться азербайджанцами, национальные школы были закрыты, книги не выпускались. В соседней Армении, где курдов было значительно меньше и жили они более дисперсно, выходила курдская пресса и функционировала школа.

Подобные “мелочи” в административном делении существенно сказались на сохранности языка у различных народов. Вот несколько примеров. Число талышей уменьшилось в Азербайджане за 1926—1989 гг. в три с половиной раза³⁷, курдов — в два с лишним. При этом свой этнический язык считают здесь родным 65% курдов, а среди курдов Армении — 80%. Ногайцы, не получившие своей автономии и поровну разделенные между Дагестаном и Ставропольским краем, ассимилируются заметно быстрее своих соседей. В 1926 г. их насчитывалось 36 тыс., к 1989 г. их численность возросла на 108%; в то же время численность лакцев и табасаранцев (в 1926 г. — 40 и 32 тыс. человек), имеющих сходные показатели естественного прироста, увеличилась на 195% и 206%. Те, кто продолжают считать себя ногайцами, в Дагестане в языковом отношении подвергаются языковой ассимиляции кумыками (для 15% дагестанских ногайцев кумыкский язык родной). Численность греков, имеющих несколько районов компактного проживания, но не получивших автономии, возросла за тот же период всего на 67%. Вепсов, оказавшихся на стыке разных административных единиц (последние десятилетия — Карельской АССР, Ленинградской и Вологодской обл.) за 1926—1989 гг. стало почти в три раза меньше.

Башкиры в силу исторических обстоятельств численно уступали в собственной республике татарам, и значительная их часть перешла на более престижный татарский язык. Письменность для карелов Карелии, отличающихся сильными диалектными различиями, подготовили лишь к концу 1930-х годов, но она не была введена, поскольку Карельскую АССР укрупнили до Карело-Финской ССР, где языком школы был объявлен финский. При последующем понижении статуса республики до АССР и повороте языковой политики к фактической русификации школа перешла на русский язык. У тверских карел, имевших в 1930-х годах свой национальный округ, где функционировала школа на родном языке, сохранность этнического языка как родного

³⁷ Начиная с 1950-х годов статистика по национальности и языку в Азербайджане абсолютно недостоверна. Число талышей, которых в 1926 г. было 77 тыс., к 1959 г. сократилось до 0,2 тыс., а в 1989 г. они насчитывали 22 тыс. человек. Не ясно, насколько последняя цифра отражает реальную ассимиляцию, а насколько — технические особенности переписи населения.

к 1970 г. была все еще относительно высокой (72% против 58% среди карел Карелии).

Сохранность родного языка у болгар и гагаузов зависит от их численности в соседствующих республиках: гагаузский язык лучше сохранился в Молдавии, а болгарский — в Одесской области Украины. Нет сомнения, что, если бы каждый из этих народов не был разделен республиканской границей, оба языка сохранились бы лучше.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что чисто административные решения заметно влияют на судьбу языков, но, конечно, дело не в них одних. Вернемся к начальному этапу языковой политики советской власти.

3.3. Языковое строительство до середины 1930-х годов

При всех издержках национального строительства, в 1920-е годы были заложены основы государственного строя, уникального по степени учета интересов отдельных народов и этнических групп. Другое дело, что фактическая реализация конституционных прав не всегда соответствовала декларациям, но до середины 1930-х годов факты, свидетельствующие об этом расхождении, можно считать случайными; и в теории, и на практике государство на всех уровнях всемерно поддерживало развитие национальных культур и языков. Коммунистическая идеология, впрочем, предопределила отказ от “неправильных” аспектов культуры (религиозных, “буржуазных”, “отсталых”) и активную борьбу с ними.

В начале 1920-х годов повсеместно вводился курс на “коренизацию” всех партийно-государственных структур, т. е. на максимально широкое вовлечение в административную деятельность местного населения. Во многих районах предпринимались попытки перевести делопроизводство на республиканском и местном уровнях исключительно на национальные языки [см. Алпатов 1997: 37 (последующее изложение во многом опирается на эту книгу)]. Предполагалось, что русское население национальных республик постепенно освоит местные языки, а партийно-государственные функционеры просто обязаны были сделать это в кратчайший срок. Постановления такого рода принимались неоднократно, но до их реализации, за редкими индивидуальными исключениями, дело не доходило.

В подъеме культурного уровня населения и переориентации его на построение коммунистического общества первоочередное внимание уделялось просвещению. Поначалу организация национальной школы шла самостоятельным путем и многое зависело от образовательного уровня самих этнических общин. В Сибири, например, где было много переселенцев из Прибалтики, первыми открывались латышские и эстонские школы: в Енисейской губернии уже в 1922 г. их было, соответственно, 11 и 10 при двух татарских [Болтенкова 1988: 157]. Но вскоре просвещение национальностей было объявлено одной из важнейших задач коммунистической партии. Выступая на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г., Сталин объяснил важность решения национально-языковых проблем следующим образом: “Необходимо, чтобы власть пролетариата была столь же родной для инонационального крестьянства, как и для русского <...> чтобы она была понятна для него, чтобы функционировала на родном языке, чтобы школы и органы власти строились из людей местных, знающих язык, нравы, обычаи, быт. Только тогда, и только постольку Советская власть, являвшаяся до последнего времени властью русской, станет властью не только русской, но и интернациональной, когда учреждения и органы власти в республиках этих стран заговорят и заработают на родном языке” (Сталин И. В. Соч. Т. 5. С. 240–241). Съезд принял решение об издании специальных законов, которые бы обеспечивали употребление родных языков во всех учреждениях, обслуживающих нерусское население. Национальная принадлежность населения стала основой административного деления государства, но оставался обширный регион, где административно-государственное устройство не было пока связано с этническими характеристиками местных жителей, — Средняя Азия.

Исторически оседлое население Средней Азии говорило на иранских языках, но со времен Средневековья здесь постепенно возрастала численность оседлых тюрок (частично это были тюркизированные иранцы). В центре региона на пригодных для земледелия территориях тюрки и иранцы жили чересполосно, в старых городских центрах — Бухаре и Самарканде — преобладали иранцы, хотя окружающие их сельские районы были в основном тюркоязычны. Менее пригодные к обработке земли в тех же районах были заняты кочевниками и полукочевниками. В предгорьях и горных до-

линах на западе Памиро-Алая жили оседлые иранцы (часто сильно различавшиеся по языку, до полной невозможности взаимопонимания), восток этой горной системы, а также горы и предгорья Алатау населяли кочевники-тюрки³⁸.

Среднеазиатскую периферию на западе занимали начавшие переходить к оседлости туркмены, на севере — кочевники-казахи и незадолго до того освоившие земледелие каракалпаки. Этноязыковой состав и кочевников, и оседлых был достаточно сложен, но ведущая идентичность различных групп населения была с ним мало связана. По авторитетному мнению академика В. В. Бартольда, «оседлый житель Средней Азии чувствует себя в первую очередь мусульманином, а затем уже жителем определенного города или местности; мысль о принадлежности к определенному народу не имеет для него никакого значения» [Бартольд 1964: 525]³⁹.

Для кочевых и недавно перешедших к земледелию народов идентичность была в первую очередь связана с родо-племенной принадлежностью, хотя часто осознавалась соотношенностью и с большими этническими объединениями. Однако ставить знак равенства между такими объединениями и понятием *народ* в европейском смысле было бы не вполне верно. Не случайно будущие *казахи* назывались по-русски *киргизами* вплоть до 1925 г. Показательно также существование одноименных родов у разных этносов: скажем, род *канглы* известен и у казахов, и у узбеков, и у каракалпаков. Тем не менее определенная этнонимическая номенклатура существовала; с позиции современности наиболее загадочным должен показаться тюркский народ *сарты*, известный, по крайней мере, с XV в. Это были земледельцы, не имевшие и следов племенной организации. По переписи 1897 г., в русском Туркестане (т. е. без Бухары и Хивы, где перепись не проводилась) их насчитывалось 967 тыс. — заметно больше, чем узбеков (726 тыс.). Свой разговорный

³⁸ В Семиречье (юго-восток современного Казахстана и прилегающие районы Киргизии) с конца 1860-х годов обосновались переселенцы из Европейской России.

³⁹ За годы советской власти этническая идентичность заняла важное место в сознании таджиков и узбеков, но это в первую очередь касается жителей однородных в языковом отношении регионов и интеллигенции. Современный исследователь отмечает: «Узбечка из кишлака под Самаркандом, вышедшая замуж за таджика г. Самарканд, заявляет: «Я узбечка была, теперь вышла замуж, стала таджичка»» [Бронникова 1993: 157].

язык (*сарт тили*) сарты вполне отчетливо противопоставляли языкам узбеков и других тюрков. Традиционных литературных языков в Средней Азии было два — персидский и чагатайский (сейчас часто называемый староузбекским, но он был более близок к сартовскому), грамотные горожане часто владели обоими.

В этой ситуации в 1924—1925 гг. было проведено национальное размежевание территории Туркестанской АССР, Бухарской и Хорезмской народных республик, когда сложилась современная номенклатура республик и автономий (статус автономий позднее повышался⁴⁰, а границы многократно пересматривались). Лингвистический компонент в ходе размежевания был очень существен, поскольку предстояло заново создать литературные языки для каждой из конституированных народностей. Таджикский литературный язык строился на базе классического персидского, но под сильным влиянием живых местных диалектов. В отношении узбекского языка в 1920-х годах шла острая дискуссия по выбору опорного диалекта. В число узбеков были включены сарты и некоторые более мелкие тюркоязычные группы, как оседлые (например, жившие в районе Ташкента курама, кипчаки Ферганской долины), так и кочевые, часто этнически определявшиеся просто как тюрки.

В развитие решений партийных органов был принят ряд постановлений, в частности постановление СНК СССР от 29 августа 1924 г., значительно снижавшее нормативную численность населения, необходимую для образования низших национальных административных единиц: если для создания обычного административного района требовалось, чтобы на соответствующей территории жило не менее 25 тыс. человек, а для сельсовета — 1000 человек, то для национальных единиц достаточно было, соответственно, 10 тыс. и 500 человек.

Рассмотрим ход национального строительства на Украине [Клячин 1989]. Первые 4 немецких района были организованы в сентябре 1924 г.; в октябре на левобережье

⁴⁰ Первоначально статус союзных республик получили Узбекистан (с Таджикской АССР и Горно-Бадахшанской АО) и Туркмения. В составе РСФСР остались существовавшая с 1920 г. Казахская АССР (к ней были присоединены северо-восток Туркестана и новая Каракалпакская АО) и вновь образованная Киргизская АО. Таджикистан стал союзной республикой в 1929 г., Казахстан и Киргизия — в 1936 г.

Днестра образовалась Молдавская АССР (правый берег принадлежал в это время Румынии). К 1930 г. существовало 9 русских, 8 немецких, 4 болгарских, 3 греческих, 3 еврейских и 1 польский национальные районы. Поскольку многие меньшинства жили дисперсно, для них были организованы сельские советы; русских, немецких и польских сельсоветов было более чем по 100; еврейских, молдавских, болгарских и греческих — по несколько десятков, имелось также 13 чешских, 2 белорусских и 1 шведский сельсовет. Возникали и национальные поселковые советы. В национальных районах организовывались сельсоветы для меньшинств; так, в Мархлевском польском районе, где из 41 тыс. жителей поляки составляли 73%, украинцы — 17% и немцы — 8%, было 3 украинских и 2 немецких сельсовета.

Во всех этих образованиях административный аппарат функционировал на национальных языках, в каждом сельсовете школа должна была работать на местном языке. Но последнее требование не для всех языков могло быть быстро выполнено: не хватало педагогических кадров и идеологически выдержанных учебных пособий. К концу 1920-х годов 75% немецких детей Украины учились по-немецки, а молдавские и греческие школы только создавались. Национальные школы появились и в городах; для упрощения их создания норма класса в них была снижена вдвое против обыкновенной (20 человек вместо 40). Уже в 1925/26 учебном году на Украине работали 2764 национальные школы, в том числе:

русские	1214	чешские	17
польские	337	татарские	31
немецкие	625	ассирийские	3
еврейские	457	армянские	5
болгарские	74	шведская	1

Конечно, на ряде языков могли функционировать лишь элементарные начальные школы, но они давали возможность овладеть грамотой на родном языке. Книги на Украине в 1920-х годах издавались на 11 языках, периодика — на 8 (украинский, русский, еврейский, польский, немецкий, греческий, болгарский, татарский). К трем русским театрам прибавилось несколько украинских, в 1925 г. открылся еврейский театр в Харькове, в 1926 г. — польский в Киеве.

Сходная картина наблюдалась повсеместно. В Казахстане, например, на 1928 г. существовали русские, украинские, немецкие, казачьи (!), татарские, мордовские, чувашские, болгарские, эстонские и польский сельсоветы, уйгурские, узбекские, таджикские, дунганские кишлачные советы; позднее в местах компактного расположения национальных сельсоветов были организованы 18 русских, 2 узбекских, 2 уйгурских и 1 немецкий районы [Болтенкова 1988: 63]. В 1933 г. при открытии сессии ЦИК М. И. Калинин сообщал, что в СССР функционирует 250 национальных районов и 5300 национальных сельсоветов [цит. по: Болтенкова 1988: 63].

Наряду со школами для детей во всех национальных автономиях активно работали пункты ликвидации неграмотности, избы-читальни, клубы, красные уголки и т. п. Имелись они в большом количестве и вне национальных административных единиц. Так, в Ленинграде было 11 национальных домов просвещения (польский, латышский, немецкий, литовский, еврейский, венгерский, татарский, украинский, белорусский, эстонский, финский), в Ленинградской области в 1929/30 учебном году было 274 финских, 89 эстонских, 55 вепсских школ и 21 латышская. Только для финского меньшинства было открыто 32 избы-читальни, 118 красных уголков, 14 школ для малограмотных. До середины 1930-х годов число культурных учреждений росло. На 1934 г. среди избы-читален Ленобласти (она включала тогда и Мурманский округ) числилось 24 вепсских, 10 ижорских, 4 карельских, 2 лопарских и 1 норвежская [Болтенкова 1988: 156].

Показательным примером роли языков вне территорий их официального использования может служить изданный в 1932 г. в Краснодаре «Плян українізації Північно-кавказського педагогічного інституту». Согласно ему в начале 1931/32 учебного года было принято решение о полной украинизации этого вуза. Кроме пединститута, в этот период на Кубани работало 12 украинских педтехникумов и 950 школ 1-й ступени. В 1931 г. в крае вышло 149 названий украинских книг тиражом 968 тыс. экземпляров, по плану на 1932 г. предполагалось выпустить книги 600 названий тиражом 4,8 млн экземпляров.

Национально-языковое строительство требовало огромных материальных вложений. Но самое главное, нужны были авторы учебников, кадры педагогов, причем не толь-

ко для языков, обладавших литературной традицией, пусть и непродолжительной, но и для тех, которые еще вчера оставались бесписьменными. Успехи советской лингвистики 1920 — начала 1930-х годов беспрецедентны. За десятилетие были разработаны десятки письменностей, многие языки стали впервые использоваться в научных сферах, еще больше — в общественно-политической области и делопроизводстве, что требовало кропотливой работы по созданию терминологии, разработке стилистики.

Как говорилось выше, в предреволюционные годы книги выпускались более чем на 20 языках, но в большинстве случаев это были лишь спорадические издания. Вопрос о диалектной основе письменных языков решен не был, даже графическая основа, не говоря об орфографии, не устоялась. Среди языков будущих союзных республик, а тем более автономий, оказались и такие, для которых попыток письменной фиксации по существу еще не предпринималось (киргизский, каракалпакский, хакасский и др.). Первоочередными задачами были ликвидация неграмотности среди тех народов, языки которых имели письменность, и алфаветизация бесписьменных языков. Каждая из этих задач предполагала решение нескольких проблем.

Лишь незначительная часть языков СССР имела устойчивую письменную традицию, и в этих случаях литературный язык часто достаточно далеко отстоял от идиомов, использовавшихся соответствующими народами в быту. В таком случае проблема овладения грамотой не сводилась к изучению письма — требовалось осваивать также литературную норму. Был и другой путь — отказ от старого литературного языка и создание новой нормы; в этом случае наличие предшествовавшей литературной традиции почти не давало соответствующим языкам преимуществ. Для языков с небольшой письменной традицией проблема создания нормы также вставала часто, но всегда существовала проблема престижности избранной нормы. Наконец, во многих районах этническая идентичность фактически не была выражена, и в связи с этим предстояло структурирование идентичностей населения, определение границ этноса, который должен обслуживаться создаваемым литературным языком. Последняя проблема была особенно остра для малых народов Севера, у которых преобладала родовая идентичность, а также в Средней Азии.

Но главным на первом этапе языкового строительства оказался вопрос графики. Мусульманские народы пользовались арабским письмом, но его применение в классическом виде для многих языков создает большие сложности, в первую очередь при передаче вокализма. В то же время, будучи письмом Корана, оно обладает в глазах мусульман определенной сакральностью. При применении к конкретным тюркским, кавказским, иранским языкам оно обычно подвергалось некоторым модификациям еще в дореволюционной России. В ходе борьбы с неграмотностью реформирование арабицы велось в основном по трем направлениям: устранение излишних графем, упорядочивание обозначения фонем, отсутствующих в арабском, в первую очередь гласных, а также унификация написания букв независимо от позиции в слове⁴¹. Оригинальную реформу казахской арабицы разработал А. Байтурсунов: учитывая сингармонизм, он предложил одинаково обозначать парные передне- и заднерядные гласные, но перед каждым словом ставить особый знак, указывающий на сингармонический ряд.

В ходе реформирования арабского письма возникла идея замены его латинским. Мотивировка этому давалась чрезвычайно разнообразная: от сложности усвоения арабицы, даже реформированной, до неудобства совмещения с нотной записью (ввиду разного направления письма), но по существу основной причиной отказа от нее было желание порвать с “отсталой” культурой прошлого (в первую очередь с исламом), вестернизировать Восток. Русская графика ассоциировалась с ассимиляторской политикой царизма, поэтому речи о ее использовании не было.

От идеи реформы арабской графики сразу же отказались в Азербайджане, где латинизированный алфавит был утвержден в 1922 г.⁴² Для реализации перехода на новую письменность был образован Комитет по проведению нового тюркского алфавита (КНТА) во главе с председателем ЦИК Азербайджана С. А. Агамали-оглы. В первые годы арабский и латинский алфавиты были равноправны, в начальной школе новая письменность стала обязательной лишь с 1925 г. На I Всесоюзном тюркологическом съезде в

⁴¹ Классическая арабская графика предусматривает для большинства букв четыре начертания: одиночное, начальное, срединное и конечное.

⁴² Проект латинизации азербайджанской письменности впервые был предложен М.-Ф. Ахундовым в 1857 г.

Баку (1926) была принята резолюция, рекомендовавшая всем народам изучить опыт Азербайджана “для возможного проведения у себя этой реформы”⁴³ [цит. по: Исаев 1979: 71]. Идея латинизации получила поддержку союзного правительства, под руководством С. Агамали-оглы был создан Всесоюзный центральный комитет нового тюркского алфавита, который начал работать в Баку в июне 1927 г.⁴⁴

Реформированием старых и созданием новых письменностей реально руководил кавказовед Н. Ф. Яковлев, в работу активно включились лучшие языковеды страны. “Каждый из них был видным специалистом по какой-либо группе языков: Н. Ф. Яковлев и Л. И. Жирков — по языкам Кавказа, Д. В. Бубрих — по финно-угорским, Н. Н. Поппе — по монгольским, Н. К. Дмитриев и К. К. Юдахин — по тюркским языкам и др. Выдающийся полиглот Е. Д. Поливанов мог одновременно заниматься самыми различными языками, больше всего он работал по языкам Средней Азии от узбекского до дунганского” [Алпатов 1997: 49]. Практические работы по алфabetизации стали экспериментальной проверкой и одновременно стимулом для дальнейшего развития фонологической теории.

Важным преимуществом латинского алфавита считался его интернациональный характер; предполагалось, что его усвоение поможет делу близкой “мировой революции”. Между тем один из старописьменных языков, персидско-таджикский, в своей оригинальной арабской графике был вполне понятен грамотным мусульманам Ирана, Афганистана, Индии и, казалось бы, мог рассчитывать на статус проводника идей мировой революции. В периодике 1920-х годов отмечалось, что “реформа помешает таджикскому печатному слову стать пропагандистом социалистической идеологии на Востоке” [Исаев 1979: 135], однако антирелигиозная идеология оказалась важнее. Латинизации графики противились не только клерикальные круги, поскольку у

⁴³ Латинская графика к этому времени была уже разработана для ряда северокавказских языков: ингушского, чеченского, осетинского, кабардино-черкесского, карачаево-балкарского; правда, использовалась она везде не в ряду с арабицей.

⁴⁴ Фактически эта организация занималась графическими реформами не только в тюркских языках и при переводе ее в Москву (1930) была переименована во Всесоюзный центральный комитет нового алфавита (ВЦК НА) при Президиуме Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

многих народов успехи в ликвидации неграмотности были уже довольно значительны, а отказ от старого алфавита сводил на нет проделанную в этой области работу. Наиболее серьезную оппозицию составляла Татария⁴⁵, однако реформа письма началась и здесь.

Идеология латинизации развивалась на базе алфавита, разработанного в Азербайджане. Малый объем латинского алфавита ставил определенные проблемы для однозначной передачи фонологической системы. Диграфы, как и надстрочная диакритика, были отвергнуты, в результате новый алфавит использовал модифицированные буквы. “Стандартный” унифицированный тюркский алфавит содержал 33 символа: А, В, С (мягкая глухая аффриката, *ч*), З (мягкая звонкая аффриката, *дж*), Д, Е, Э (передняя гласная нижнего подъема, *æ*), F, G, oј (увулярный звонкий взрывной), Н, I, J, K, L, M, N, Ŋ (заднеязычный носовой), О, Ө (передний огубленный гласный нижнего подъема, *ö*), P, Q (увулярный глухой взрывной), R, S, Ş (глухой шипящий, *ш*), T, U, V, X (заднеязычный глухой фрикативный, *х*), У (передний огубленный гласный верхнего подъема; вариант *У* использовался реже), Z, Z (звонкий шипящий, *ж*), Ы (= *ы*). Как видим, латинский в своей основе алфавит использовал не вполне обычные для западных языков конвенции⁴⁶. Тюркские алфавиты, разработанные к концу 1920-х годов на базе унифицированного, приспособлялись к нуждам конкретных языков и содержали от 26 символов в якутском до 35 в башкирском [Исаев 1979: 230].

Судьба арабского письма в СССР была окончательно решена. Первым покончил с арабицей Азербайджан: с 1 января 1929 г. школа, делопроизводство, печать были полностью переведены на новый алфавит. Отказ от арабского алфавита в остальных республиках был ускорен постановлением Президиума ЦИК СССР от 7 августа 1929 г. В теч-

⁴⁵ Среди татарского населения этой республики по переписи 1926 г. были грамотны (естественно, на арабском алфавите) 37,1% (40,3% мужчин и 27,6% женщин); к 1930 г., когда татарская школа окончательно перешла на новый алфавит, грамотность на нем составляла 22%.

⁴⁶ Первые северокавказские алфавиты, разработанные независимо от азербайджанского, содержали более привычную верхнюю диакритику (*á, ě* и т. п.). Турки ввели латиницу в 1928 г., но на советский алфавит они не ориентировались, есть даже противоположные конвенции: в советских алфавитах *ç* обозначало звонкую аффрикату, *c* — глухую, в турецком алфавите — наоборот.

ние 1929 г. переход на латиницу был завершен в Туркмении и Киргизии — как раз тех республиках, где литературные языки только начинали свое становление, а грамотность была невелика⁴⁷. Всеобщее стремление к досрочному выполнению любых обязательств отразилось и на языковом строительстве. Началось своеобразное соревнование, кто быстрее закончит латинизацию письменности, часто в ущерб реальным задачам. Так, в Башкирии досрочный отказ от арабицы привел к тому, что тираж газеты “Башкортостан” с 10 тыс. экземпляров упал до 3600. “Пришлось срочно вновь разрешать использование запретного арабского письма для публикации “наиболее важных” материалов и восстановить прием администрацией бумаг, записанных арабицей” [Алпатов 1997: 75].

С точки зрения советского государства важным следствием утверждения латиницы стала утрата коранической грамотности среди мусульманских народов. Там, где существовали давние письменные традиции, во многом была подорвана и светская культурная преемственность. Например, классическая поэма Фирдоуси “Шах-наме”, “центральный для культуры таджиков памятник” [Шукуров 1990: 116], на латинице не издавалась (несмотря на празднование в 1934 г. 1000-летия со дня рождения поэта, в связи с чем был выпущен сокращенный русский перевод) и стала доступна в оригинале только в 1962 г.

Вертикальное монгольское письмо в Калмыкии вне религиозной сферы вышло из употребления с введением русской графики, замененной в 1931 г. латиницей. У бурят положение было сложнее: западные буряты в делопроизводстве прибегали к русскому языку, а в письме на родном языке пользовались русской графикой; в Забайкалье же известное распространение получил старописьменный монгольский язык в традиционной графике, который продолжал функционировать как официальный еще в начале 1930-х годов. Предполагалось, что на смену ему придет новый язык в новой графике, но единый для советских бурят и жителей МНР. Такое решение официально было принято ЦИК Бурят-Монголии и обкомом партии в январе 1931 г. В том же году от него отказались и перешли к созданию бурятского

⁴⁷ По переписи 1926 г. среди киргизов грамотных было 4,6%, среди туркмен — 2,3%.

литературного языка на базе селенгинского диалекта (через пять лет решение об опорном диалекте было пересмотрено в пользу хоринского диалекта)⁴⁸. В советское время решение об институционализации халха-монгольского языка на территории СССР стали причислять к проявлениям буржуазного национализма. В. М. Алпатов называет его “политически опасным” [Алпатов 1997: 75], однако дело, видимо, обстоит сложнее. Эта точка зрения к концу 1920-х годов была широко распространена, достаточно указать на одновременное появление в одном сборнике независимых публикаций Н. Н. Поппе и Б. Барадина [Поппе 1929; Барадин 1929]. Второй из авторов писал: “...будущий унифицированный бурят-монгольский ново-литературный язык по грамматической форме должен быть в основе халхаским наречием” [Барадин 1929: 21]. Обращает на себя внимание термин *бурят-монгольский*. Он к тому времени уже становился синонимом слова *бурятский*, но его исконная семантика (*бурятский* и *монгольский*) явно еще была очевидна. Изобретен он был в 1922 г. при создании автономии, которая по замыслу, вероятно, была рассчитана на будущее включение в себя и Монголии⁴⁹.

Деятельность по “коренизации” образования народов Севера начала разворачиваться с конца 1920-х годов. В фев-

⁴⁸ При этом в газетах и делопроизводстве окончательно перестали пользоваться старомонгольской графикой лишь после 1936 г. [Исаев 1979: 214].

⁴⁹ До революции буряты никогда не назывались бурят-монголами, а монголы в России исчислялись единицами. Начало бурятской автономии было положено созданием в Забайкалье Монголо-Бурятской АО, причем не в составе России, а в составе “независимой” и формально даже несоединенной Дальневосточной Республики (27 апреля 1921 г.). Образование Бурят-Монгольской АО (9 января 1922 г.) на территории РСФСР (к западу от р. Селенги) было ответным шагом. С упразднением ДВР обе автономии объединились 30 мая 1923 г. в Бурят-Монгольскую (с 1958 г. — Бурятскую) АССР. Ранее, во время японской оккупации, в 1919 г. в Чите была предпринята попытка создания Великой Монголии “от Байкала до Тибета”; другая попытка провозглашения такого государства произошла с захватом в феврале 1921 г. Урги (будущего Улан-Батора) белогвардейскими войсками барона Унгерна, бежавшими из России. Советско-монгольским ответом послужило образование в Кяхте (на территории ДВР) в начале марта 1921 г. сначала Монгольской народной партии, затем Монгольской народной армии, Временного народного правительства — все во главе с Д. Сухэ-Батором. Войска Сухэ-Батора при поддержке Красной Армии и Народно-революционной армии ДВР к июлю заняли всю территорию Монголии. При народно-революционном правительстве главой Монголии продолжал оставаться Богдо-Гэгэн (глава монгольских ламанстов), после смерти которого была провозглашена народная республика (13 июня 1924 г.).

рале 1931 г. ВЦК НА утвердил единый северный алфавит (латинский), на базе которого разрабатывались конкретные письменности. Эта деятельность была сосредоточена в Ленинграде, где в 1930 г. был образован Институт народов Севера (ИНС) и открылось северное отделение при пединституте им. А. И. Герцена. I Всероссийская конференция по развитию языков и письменностей народов Севера в январе 1932 г. утвердила предложенный ИНС проект развития 14 “национально-литературных языков”: саамского, ненецкого, мансийского, хантыйского, селькупского, кетского, эвенкийского, эвенского, нанайского, удэгейского, чукотского, корякского, нивхского, эскимосского. Было признано необходимым создать ительменский и алеутский литературные языки, а также изучить вопрос о создании “национально-литературных языков” для нганасан и юкагиров, и рассмотреть возможность обслуживания энцев ненецким языком, а карагасов — тувинским. Ульчей было решено обслуживать нанайским языком, орочей — удэгейским, негидальцев — эвенкийским [Исаев 1979: 223–224].

В конце 1920 — начале 1930-х годов латинизации подверглись и такие языки, для которых существовала относительно давняя или созданная лишь несколькими годами ранее письменность на основе русской графики. У большинства этих народов (алтайцев, калмыков, хакасов, шорцев) овладение кириллицей⁵⁰ шло медленно, и смена алфавита не сильно отразилась на уровне грамотности. Но в некоторых случаях переход от одной графики к другой столь очевидным образом противоречил задачам построения социализма, что, вероятно, лишь высокие достижения в искусстве демагогии позволили реформаторам избежать обвинений в идеологической диверсии. Например, коми с 1918 г. пользовались строго фонологичным молодцовским алфавитом, в котором из 33 букв 11 были латинскими или модифицированными. Очередное совещание в 1929 г. отмечало, что он, с одной стороны, “вполне приспособлен к языку коми”, а с другой — “не удовлетворяет современному общественному движению народов СССР в сторону латинизации алфавитов”. Было решено подготовить новый алфавит на основе

⁵⁰ Здесь и ниже под кириллицей понимается не собственно кириллический шрифт, а любые системы письма, основанные на русском гражданском шрифте.

“яфетидологического, аналитического и унифицированного тюркского алфавита” [Исаев 1979: 205]. Реформу предполагалось провести вместе с русскими и другими пока еще не успевшими латинизировать письменность народами, но в 1932 г. переход на новый алфавит начался. Учитывая, что еще в 1926 г. доля грамотных среди коми составляла 38,1%, добрая половина этого народа лишалась возможности читать новые издания⁵¹.

Неожиданной в этом контексте представляется судьба белорусского письма. В предреволюционные годы кириллица и латиница (в близком к польскому варианту) были практически равноупотребимы, на латинице была выпущена в Вильне в 1918 г. первая школьная грамматика, но в советское время выбор был сделан в пользу гражданского кириллического шрифта, окончательно утвержденного в 1926 г. на международной конференции, организованной Институтом белорусской культуры.

Определенные шаги были предприняты для латинизации грузинского языка. Правительство Грузии приняло постановление о смене алфавита в августе 1926, но его реализация под видом недостатка средств шла очень медленно. Однако полностью игнорировать принятое решение было вряд ли возможно, и в 1930 г. отмечалось, что “пишущие машинки переделаны, и по всей республике переписка ведется новым шрифтом” [БСЭ. 1-е изд. Т. 19: 556]⁵².

На очереди стояла латинизация всех языков СССР. Русский гражданский алфавит был объявлен “пережитком классовой графики XVIII–XIX вв. русских феодалов-помещиков и буржуазии — графики самодержавного гнета, миссионерской пропаганды, великорусского национал-шови-

⁵¹ Как раз в этот период проблема повышения грамотности признавалась особенно актуальной. В марте 1929 г. И. В. Сталин, говоря о необходимости развития культурной революции, подчеркивал, что для преуспевания в деле культурного, политического и хозяйственного развития” страна должна быть покрыта “богатой сетью школ на родном языке”, “развернуть прессу, театры, кино и другие культурные учреждения на родном языке” (Сталин И. В. Соч. Т. 11. С. 355). Важность повышения темпов ликвидации неграмотности была отмечена и в решениях XVI съезда партии (июнь 1930 г.).

⁵² В это время на грузинском шрифте были созданы письменности для мегрельского и хевсурского языков, на которых велось обучение в начальной школе и издавалась периодика [БСЭ. 1-е изд. Т. 14. С. 288; Т. 38. С. 571; Т. 59. С. 487]. Хевсурский обычно считается диалектом грузинского языка.

низма. <...> Он до сих пор связывает население, читающее по-русски, с национально-буржуазными традициями русской дореволюционной культуры” [КиПВ 1930: 214]. Подкомиссия по латинизации при Главнауке Наркомпроса РСФСР под председательством Н. Ф. Яковлева в январе 1930 г. признала неизбежность перехода на латиницу русского языка и еще 16 языков СССР, продолжавших пользоваться гражданским шрифтом. “Переход на латинский алфавит окончательно освободит трудящиеся массы русского населения от всякого влияния буржуазно-национальной и религиозной по содержанию дореволюционной печатной продукции”, говорится в протоколе заседания подкомиссии от 14 января 1930 г. [КиПВ 1930: 214–215]. Несколькими годами ранее публицисты от лингвистики утверждали, что изучение арабского шрифта вредно сказывается на умственных способностях, теперь же выяснилось, что русский алфавит плохо приспособлен “к движениям глаза и руки современного человека” [КиПВ 1930: 216]. Впрочем, далее публикации трех проектов латинизации русского языка и их оживленного обсуждения дело не пошло.

Начало 1930-х годов характеризовалось временной стабилизацией в языковом строительстве. Латиница полностью вытеснила арабицу и монгольское письмо⁵³, частично потеснила системы письма на русской и древнееврейской основе; все заново вводимые письменности имели латинскую основу. Проекты по коренной переработке систем письма прекратились (хотя для многих языков уточнялся состав алфавита, шли орфографические реформы и т. п.). В 1936 г. орган ВЦК НА опубликовал список 102 народностей СССР, из которых лишь 12 не имели письменности (Революция и национальности. 1936. № 4. С. 75–85).

3.4. Смена ориентиров в языковой политике

Процессы, шедшие в советском обществе, не могли не отражаться на национально-языковой политике. Дореволюционная культурная прослойка там, где она имела, в сферу национально-культурного строительства допускаясь

⁵³ На латиницу перешли и халха-монголы в МНР (позднее сменившие ее на кириллицу). Численно ббльшая часть монголов, живущая в Китае, по-прежнему пользуется традиционным вертикальным письмом.

неохотно; многие уже в 1920-е годы были репрессированы по мотивам националистической, буржуазной, религиозной, байской и тому подобной пропаганды. Новые кадры из национальных меньшинств были нужны не только для решения культурно-образовательных проблем, они требовались для создания национального партийно-государственного аппарата. С начала 1920-х годов существовала сеть коммунистических университетов, предназначавшихся, в частности, для подготовки национальных кадров. Е. Д. Поливанов, преподававший одно время в таком вузе, возмущался равнодушием типичного студента к проблемам собственной культуры, недоумевавшего, зачем, кроме русского, учить еще и родной язык: “Грубо говоря, он получил образование как представитель русского языка, а в качестве представителя родного языка остался <...> обывателем” [Поливанов 1927: 77].

Объективно “обыватель” был прав. Национальная интеллигенция, для которой этнический язык обладал высоким престижем, в результате политических репрессий все больше редела. С точки зрения советской власти любой, имевший какие-то цели, отличные от построения коммунизма, пусть даже не противоречившие и подчиненные ей, оказывался *попутчиком*. Новая образованная прослойка каждого национального меньшинства, в особенности ее партийно-административная часть, была двуязычной, при этом использование родного языка ограничивалось бытовыми ситуациями. В следующем поколении русификация большей части образованного слоя оказывалась неизбежной. Именно тогда были заложены основы печального положения, на которое жалуется современный исследователь: “Пока у финно-угорских народов России нет потомственной городской интеллигенции <...> проблемы возрождения марийских, мордовских и других языков и культур будут встречать большие трудности на пути своего решения” [Кондрашкина 199: 14–15].

Для партийно-государственного аппарата развитие национальных культур, и в частности языков, никогда не было целью. Целью было распространение новой идеологии. На XVI съезде ВКП(б) (1930) И. В. Сталин резюмировал задачи национальной политики следующим образом: “...Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной

стране для слияния их в одну общую социалистическую (и по форме, и по содержанию) культуру с одним общим языком, когда пролетариат победит во всем мире" (Сталин И. В. Соч. Т. 12. С. 369). Победа мировой революции откладывалась, а объективные интересы государства требовали знания русского языка от всех его граждан. Национальная школа не справлялась с этой задачей должным образом, что стало очевидным к середине 1930-х годов. Изучение двух алфавитных систем тормозило обучение русскому языку в национальных школах и местных языков в русских школах республик. Н. К. Крупская, заместитель наркома просвещения и один из основных теоретиков советской педагогики, в то время "писала, что буржуазные националисты под разными предлогами усиленно загораживали батракам и беднякам доступ к русскому языку, а великодержавные шовинисты, по сути дела, помогали расцвету местного национализма" [Исаев 1979: 260].

Намечавшийся поворот к повышению роли русского языка прежде всего сказался на положении в только начавших создаваться школах народов Севера. В школах для кетов и ительменов в 1934 г. было решено вести преподавание целиком по-русски, а в остальных школах народов Севера вводить изучение русского языка со второго класса и с третьего переводить на него обучение. Годом позже было принципиально решено, что все северные письменности надлежит перевести на кириллицу.

На Всероссийском совещании наркомпросов автономных республик в августе 1936 г. отмечалось, что перевод национальных языков на русский алфавит облегчит изучение русского языка. В 1936 г. отказались от латиницы кабардинцы и черкесы, в 1937 г. — балкарцы и карачаевцы (инициатива оба раза шла от Кабардино-Балкарии). В 1938—1939 гг. осуществлялся массовый переход языков народов РСФСР на кириллицу, а в 1940 г. кириллическими алфавитами пользовались уже почти все языки Советского Союза. "В настоящее время, — писал в сентябре 1939 г. Б. Гранде, один из активных сотрудников уже распущенного ВЦК НА, — латинизированные алфавиты уже не в состоянии обеспечить дальнейший культурный рост народов СССР <...>. Переход на новый алфавит на основе русской графики народы СССР встречают как праздник социалистической культуры" [МСЭ. 2-е изд. Т. 10: 288].

Выступая в декабре 1936 г. с докладом о проекте Конституции СССР, Сталин сказал: "В Советский Союз входят, как известно, около 60 наций, национальных групп и народностей" (Сталин И. В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. С. 513). Откуда это "известно" и как согласуется с тем, что опубликованным ВЦК НА списком в 102 народности, было непонятно. Эта мысль вроде бы не получила развития в директивных разъяснениях, но ею приходилось руководствоваться⁵⁴.

"Сталинская" конституция, как и предыдущие, гарантировала равноправие всех народов и языков, право обучения в школе на родном языке. Однако реализация этого права за пределами соответствующих республик и автономий постепенно сошла на нет. Статус национальных районов, сельских и поселковых советов в законах закреплён не был; в ходе постоянных административных реорганизаций к концу 1930-х годов большая их часть была упразднена, а оставшиеся существовали лишь формально. В послевоенные годы национальных районов уже не было; как память о прошлом в единичных случаях "национальные" прилагательные оставались в названиях в юридическом отношении ничем не выделявшихся административных единиц (например, Нагайский и Ульчский районы в Хабаровском крае).

⁵⁴ Как писать обобщающие тексты о национальном составе СССР, было совершенно неясно. В статье "СССР" 2-го издания МСЭ (1940) сведения о национальном составе даны по материалам переписи 1926 г., материалы которой разрабатывались по 194 этносам (включая 34 таких, которые в основном жили за пределами СССР). Этности сгруппированы в три отдельные таблицы: 55 "наций, национальных групп и народностей СССР", 20 "важнейших этнографических групп СССР" ("которые хотя и живут компактно на определенной территории, но еще окончательно не сложились ни в нацию, ни в народность") и 18 "национальных меньшинств в СССР" ("которые не образуют <...> национальных территорий"). Принципы распределения этносов по трем категориям неясны. Например, аджарцы (которые всегда считались всего лишь этноконфессиональной группой грузин), оказались в первой категории, которую, по убывающей численности, замыкали бартангцы (3 тыс. человек) и ишканимцы (0,6 тыс.). В число "не сложившихся ни в нацию, ни в народность" попали не только большинство народов Севера, но и талыши (77 тыс.), ногайцы (36 тыс.), вепсы (33 тыс.), табасаранцы (32 тыс.). Среди не имеющих "национальных территорий" оказались не только цыгане (61 тыс.) и корейцы (170 тыс.) (последние при расформировании национального района были переселены в Среднюю Азию), но и греки (214 тыс.), две трети которых пока еще продолжали жить вполне компактно в Грузии и Сталинской области Украины, правда, уже не имея своих национальных районов [МСЭ. 2-е изд. Т. 10].

Важной вехой в смене языковой политики стало постановление ЦК ВКП(б) и Совета народных комиссаров от 13 марта 1938 г. "Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей". По этому постановлению обучение русскому языку в школах РСФСР следовало начинать с первого класса, в остальных союзных республиках — временно — со второго или третьего. Стал набирать темпы процесс закрытия национальных школ, особенно для "нетитульных" народов [см. Алпатов 1997: 87–89]. Постоянно провозглашавшийся ранее курс на полное равноправие языков в области образования на деле стал сворачиваться. Рядовые представители малых народов нередко приветствовали отказ от коренизации образования, поскольку качество обучения в русских школах было выше; именно в них предпочитали отдавать своих детей и представители номенклатуры, независимо от национальности. Параллельно форсированными темпами шла кириллизация алфавитов. Происходило это в обстановке массовых репрессий. "Представители сформировавшейся до революции национальной интеллигенции <...> погибли почти полностью <...>. Поредели кадры подготовленных уже в советское время специалистов. Русские ученые в целом пострадали меньше, но многие потери были невозможны" [Алпатов 1997: 82]. Органа, координирующего языковое строительство, теперь не стало (ВЦК НА распущен в 1937 г.). При утверждении новых алфавитов "решающее слово оставалось за малокомпетентными местными властями, часто принимавшими непродуманные решения <...>. В целом качество алфавитов ухудшилось по сравнению с латинскими, и усилился разнобой, поскольку унификацией больше уже никто не занимался" [Алпатов 1997: 82]. Впрочем, в одном отношении унификация была проведена — независимо от фонематической системы конкретного языка в новые кириллические алфавиты был полностью включен набор русских графем, поскольку заимствования, как правило, стали писаться в соответствии с нормами русской орфографии. Немногочисленные исключения делались лишь для старых и хорошо освоенных заимствований.

В части союзных республик наметилось усиление позиций титульных народов и их языков. В Грузии это вылилось в окончательное причисление всех картвельских наро-

дов к грузинам на правах этнографических групп⁵⁵, развитие письменных форм их языков прекратилось. В Абхазии и Южной Осетии в 1938 г. был введен грузинский алфавит (до перехода на кириллицу в 1954 г.). Тем самым фактически возникло два осетинских языка на базе иронского диалекта⁵⁶. В Азербайджане был взят курс на ассимиляцию всех национальных меньшинств, кроме армян, русских, евреев. Прекратили существование Талышский и Курдский национальные районы, были свернуты публикации на этих языках (в соседней Армении, где курдов было значительно меньше, курдская школа и периодика продолжали существовать). По данным переписей, официальная численность курдов в Азербайджане за 1926–1959 гг. сократилась с 36 тыс. человек до 1,5 тыс., талышей — с 77 тыс. человек до 0,2 тыс. В Таджикистане памирские народы, несмотря на наличие автономии (Горно-Бадахшанская АО), составили особую категорию горных таджиков, начавшая было развиваться шугнанская письменность была запрещена.

Полтора десятка народностей в конце 1930-х годов утратили письменность [Базиев, Исаев 1973: 121; Алпатов 1997: 85], причем среди них оказались и такие крупные, как тверские карелы, которых в 1939 г. было 107 тыс. человек. В одних случаях принимались решения о "нецелесообразности" создания письменности на кириллице, в других письменность попадала под запрет как "вредительская". Так, с арестом Е. Р. Шнейдера, разработчика латинской и кириллической удэгейских письменностей, из школьных библиотек и у самих учащихся изымались и публично сжигались все книги, включая и небольшой сборник удэгейских сказок⁵⁷, в котором трудно было усмотреть явные признаки идеологической диверсии.

⁵⁵ Но и в этом качестве конкретному человеку официально оказаться не грузином стало почти невозможно: факт существования мегрелов, сванов, лазов с собственными языками никогда сомнению не подвергался, но первая послевоенная перепись показала анекдотическую численность мегрел (11 человек) и сванов (9 человек) [Исупов 1964: 16]; полученная тогда же цифра по лазам (318 человек) ближе к реальной (на 1926 г. этих народов насчитывалось, соответственно, 242 тыс. человек, 13 тыс. человек и 639 человек).

⁵⁶ Годом ранее письменность для осетин-дигорцев (на западе Северной Осетии) была признана контрреволюционной, а язык — диалектом осетинского.

⁵⁷ Сообщено одному из авторов в 1990 г. Л. С. Камандигой, жителем с. Агзу Приморского края.

Несмотря на то что 1937 г. считается официальной датой ликвидации в СССР неграмотности, десяткам народов пришлось заново учиться читать. Грамотное письмо на родном языке было уделом немногих, поскольку и традиционные системы письма, и латиница, и сменившая ее кириллица для большинства языков подвергались постоянным графико-орфографическим реформам, в ряде случаев так никогда и не прекращавшихся [см. Опыт... 1982]. Например, за десятилетие (1931–1940) название калмыцких школьных грамматик менялось следующим образом (см. библиографические ссылки в [Младописьменные... 1959: 500]): *Xalomg kelne grammatik* (1931), *Xalymg kelne grammatik* (1936), *Калымг келнэ грамматики* (1939), *Халымг келна грамматик* (1939), *Халымг келнй грамматики* (1940). В современной орфографии название *Грамматика калмыцкого языка* по-калмыцки следует писать как *халымг келнэ грамматики*.

В ходе присоединения к СССР в 1939–1940 гг. значительных территорий на западе, а тем более в годы Великой Отечественной войны, проблемы национально-языкового строительства оказались вне интересов центральной и местных властей (ср. упоминавшийся выше раздел южной Бессарабии). Но национальный компонент в предвоенные годы стал частью внешнеполитической стратегии: из приграничных районов выселялись представители “подозрительных” национальностей. Первой массовой депортацией было выселение корейцев и китайцев с Дальнего Востока (дальневосточные японцы были физически уничтожены [Алпатов 1997]). Затем выселялись поляки и, отчасти, немцы из западных областей, ингерманландские финны. С началом войны переселению на восток подлежали все немцы⁵⁸. Уже к концу войны, несмотря на нейтралитет Турции, из пограничных районов Грузии выселялись турки, курды и немногочисленные хемшины (армяноязычные мусульмане). В 1943–1944 гг. были проведены массовые депортации “на-

⁵⁸ Немцы переселялись с большей части европейской территории Союза, где они жили не только в АССР Немцев Поволжья (366,7 тыс. человек), но в соседних Саратовской, Сталинградской, Куйбышевской областях (77,9 тыс. человек), на Украине (393,5 тыс. человек), в Крыму (51,3 тыс. человек), в Закавказье (44 тыс. человек) и других районах. Довольно много немцев жило и в Сибири, в основном в Омской области (59,9 тыс. человек) и Алтайском крае (33,2 тыс. человек) — там они автоматически были приравнены к спецпереселенцам и в годы войны мобилизованы в трудовую армию (численность дана на 1939 г.).

родов-предателей”: калмыков, карачаевцев, балкарцев, чеченцев, ингушей, крымских татар (а также греков, армян и болгар из Крыма) [см. Бугай 1995]⁵⁹.

В ходе переселения система национального образования и книгоиздания была, естественно, разрушена⁶⁰. Положение начало исправляться с воссозданием большинства автономий в 1957 г. Крымским татарам и немцам не было позволено возвращаться на родину, но и их языки стали постепенно восстанавливаться в правах, в местах их нового обитания появилась национальная периодика, а затем и школы.

Во время Великой Отечественной войны важность владения русским языком всеми гражданами стала особенно очевидна. Военная служба и массовые перемещения населения (эвакуация, депортации) значительно повысили уровень владения русским языком среди других национальностей СССР. В послевоенные годы роль русского языка во всех сферах неуклонно повышалась. Формально народы и языки оставались равноправными, но именно тогда начиналось возвышение русского языка и народа. Панегириком русскому языку стала публицистическая книга В. В. Виноградова “Великий русский язык”: если из нее изъять “несколько стандартных штампов и расхожих цитат”, то “она могла бы выйти не в 1945, а в 1915 г., причем тогда ее автор воспринимался бы как человек правых взглядов” [Алпатов 1997: 90]. Центральная мысль книги — “величие и мощь русского языка общепризнанны. Это признание глубоко вошло в сознание всех народов, всего человечества” [Виноградов 1945: 5]. Именно в это время русский язык впервые всерьез перешагивает границы государства: он становится одним из рабочих языков ООН, обязательным языком изучения в школах стран народной демократии, рабочим языком межгосударственных объединений социалистического лагеря (Варшавского договора, СЭВ).

⁵⁹ Освободившиеся территории кавказских предгорий и степного Крыма заселялись и индивидуальными переселенцами, и по оргнабору. В отношении горных территорий Северного Кавказа можно говорить о вторичной депортации: юг Карачая и Балкарии (временно вошедшие в состав Грузии) заселялся сванами, а в Чечню депортировали гинухцев, цезов, других дагестанцев.

⁶⁰ Единственным исключением были корейцы, для которых в новых местах расселения были организованы национальные школы, издавалась периодика, из Владивостока в Кзыл-Орду был переведен корейский пединститут.

Доля русских школ в сравнении с национальными повсеместно начинает расти, новые национальные школы открываются не везде и только для титульных народов. Если непосредственно перед войной, в 1940/41 учебном году, на Украине функционировало еще 19 еврейских и даже 13 узбекских школ (польских и немецких, впрочем, уже не было) (БСЭ. 1-е изд. Т. "СССР". С. 1821), то после войны ничего подобного быть не могло.

В послевоенные годы темпы индустриализации и урбанизации, начавшихся в национальных районах в 1930-е годы, постоянно возрастали. Промышленный пролетариат во многом (а в Средней Азии в основном) формировался за счет русских, что делало постепенную языковую русификацию городов неизбежной. Особенно сильно это сказалось в Казахстане и Киргизии. Результатом массовых перемещений населения (к перемещениям 1940-х годов добавилось освоение целинных земель) также была русификация, поскольку единственным кандидатом на язык-посредник в любых межэтнических контактах был русский.

Во второй половине 1950-х годов появилось два законодательных акта, не имевших непосредственного отношения к языковой политике, но оказавших решающее влияние на языковую ситуацию в РСФСР.

Постановление ЦК КПСС "О мерах по дальнейшему экономическому и культурному развитию народов Севера" (1957) предусматривало укрупнение поселков, где жили представители малых народов, и перенос их на новые, более удобные, с точки зрения властей, места. На деле это означало закрытие школ, магазинов и медпунктов в "неперспективных" старых поселках и насильственное перемещение людей с земель их предков. Так народы лишались своих исконных охотничьих угодий и мест рыбной ловли и оказывались рассеянными в массе численно превосходившего их пришлого населения. Даже те народы, которые имели закрепленную за ними автономную территорию, в новых поселках превращались в незначительное меньшинство. Языком повседневного общения становился русский, часто даже в производственных бригадах, занятых традиционной деятельностью. Школьные классы стали многонациональными, и малые языки сразу же выпадали из учебного плана.

Проиллюстрируем динамику этнического состава на примере Чукотки, где в 1926 г. 15-тысячное постоянное на-

селение практически полностью состояло из аборигенов, в основном чукчей (12 тыс.). К 1959 г. население возросло до 47 тыс. человек, при этом численность все еще живших в национальных поселках аборигенов уменьшилась до 12 тыс. К 1989 г. доля аборигенов составляла уже менее 10% (из 163 934 человек всего населения чукчей было 11 914, эскимосов — 1452, эвенов — 1336, чуванцев — 944, юкагиров — 160), а традиционная система расселения была полностью нарушена.

Общая этноэкологическая ситуация в районе распространения языка влияет на его сохранность гораздо больше, чем наличие письменности. Вот два противоположных примера: история ороцкого и нганасанского языков. Ни тот ни другой никогда не имели письменности. Исконный ареал орочей — материковый берег Татарского пролива напротив о. Сахалин. В центре их этнической территории расположены порты Ванино и Советская Гавань, к которым в 1930-е годы была проложена железная дорога от Хабаровска через Комсомольск-на-Амуре. В изменившейся обстановке традиционной культуре не было места, и молодежь не видела смысла в изучении какого-либо другого языка, кроме русского. В результате к настоящему времени ороцкий язык практически мертв. Напротив, нганасанам, кочующим с оленьими стадами по не используемым с другими хозяйственными целями районам Таймыра, до самого последнего времени удавалось сохранять многие элементы традиционной национальной культуры. Даже негативного воздействия системы школ-интернатов⁶¹ нганасаны не ощущали вплоть до 1960-х годов. Перепись 1989 г. показала, что 90% коренного населения сохранили знание родного языка.

Другое важное решение советской власти — закон "Об укреплении связи школы с жизнью" (1958), по которому родители получили право выбирать школу обучения, в том числе и в зависимости от языка (реально такой выбор суще-

⁶¹ Интернаты начали создаваться в 1930-х годах для детей полукочевых народов Севера. Позднее они появились и в крупных поселках, так что и здесь дети могли видеться с родителями лишь по воскресеньям. Постепенно единственным языком обучения стал русский. Обычно детям даже запрещали говорить в школе на родном языке. Родители не возражали. Впрочем, если бы и возражали, вряд ли бы кто-то прислушался к их мнению: дети уже считали собственных родителей отставшими от жизни, преемственность поколений была нарушена. Родители, плохо владевшие русским, предпочитали разговаривать с детьми именно на нем.

ствовал, конечно, только в городах). Среднее и даже неполное среднее образование к этому времени можно было получить лишь на немногих национальных языках автономий России, а высшее — только на русском. Именно ему отдавали предпочтение родители, имея в виду повысить шансы своих детей на социальную мобильность, на успешную карьеру в будущем. У этого закона была и другая сторона: менялись программы, серьезно пересматривалось содержание образования. Ответственность за принятие тех или иных решений по национальным школам (за реорганизацию образовательного процесса, за подбор кадров, за обновление учебных пособий и др.) ложилась на руководство автономий. А местная национальная администрация во многом состояла из тех самых “обывателей”, не видевших особого смысла в развитии собственного языка, о которых писал Е. Д. Поливанов. (Оба этих фактора играли еще большую роль позднее, в 1970-х годах, когда был взят курс на всеобщее среднее образование.)

В результате в РСФСР почти повсеместно началась русификация образования: количество национальных школ, особенно на селе, уменьшалось, снижался возраст, до которого на национальном языке можно было получить образование, при этом часто параллельно ухудшалось качество преподавания в национальной школе и за счет учебных пособий, и за счет кадров. Первыми, еще в конце 1950-х годов, закрылись алтайские школы и национальные школы в Карелии (финские), в начале 1960-х — школы большинства народов Севера и калмыков. Процесс обычно шел поэтапно: например, в Карачаево-Черкесии с 1960 г. функционировали только начальные школы, которые были закрыты в 1967 г. Иногда, как в Бурятии, закрытые в 1960-х годах национальные школы временно восстанавливали, но к середине 1970-х годов вновь надолго закрывали (у бурят начальное обучение на родном языке возобновлено с 1988 г.).

В городах к концу 1970-х годов национальные школы работали только в Татарии, Башкирии, Якутии и Туве, но и здесь их число постоянно сокращалось. Для нетитульных народов национальные школы становились редким исключением. Так, в Башкирии (где татары преобладают над башкирами) еще в середине 1960-х доля татарских и башкирских школ соотносилась с численностью самих народов, за-

тем количество татарских школ резко сократилось, и даже в послеперестроечное время они численно уступают башкирским:

		Год				
		1965	1978	1990	1992	1998
Число школ:	башкирских	733	622	788	890	905
	татарских	1117	595	619	646	624

В начале 1960-х годов обучение в РСФСР велось на 47 языках, через 10 лет — только на 30. При этом среднее образование можно было получить лишь на татарском и башкирском (а также на языках других союзных республик — армянском, грузинском, казахском). На якутском существовало неполное среднее образование. На тувинском обучение заканчивалось в седьмом классе, на бурятском — в шестом. Полная начальная школа функционировала на чувашском, еще на 9 языках обучение заканчивалось в третьем классе (двух коми, двух марийских, двух мордовских, алтайском, удмуртском, хакасском), на языках Дагестана (включая азербайджанский) преподавание велось в нулевом—втором классах, на абазинском — в нулевом—первом, на ногайском и чеченском — только в подготовительном. Как предмет все эти языки изучались, по крайней мере, в течение восьми классов. Изучались только как предмет адыгейский, осетинский, ингушский, карачаево-балкарский, кабардино-черкесский, немецкий (на протяжении всех 10 лет обучения) и калмыцкий (8 лет). Среди народов Севера этнический язык служил средством обучения только у ненцев (в подготовительном классе); как предмет эти языки имели возможность изучать ненцы, эвенки и чукчи (нулевой—третий классы), а также ханты, манси, эвены и эскимосы (в двух первых классах) [Данилов 1972]. К 1982 г. число языков, на которых велось обучение, снизилось до 17, хотя наиболее “стойкие” языки сохраняли свои позиции: на тувинском и якутском была восьмилетка, а на татарском и башкирском — среднее образование [Кузнецов, Чехоева 1982].

Однако даже в “устойчивой” Татарии русификация образования к середине 1970-х годов стала частью официальной политики. Вот что отмечал в 1975 г. министр просвещения Татарской АССР М. И. Махмутов: “Почти все татарские школы расположены в сельской местности <...>.”

Министерством просвещения Татарии создаются все условия для планомерного перехода татарских школ на русский язык обучения <...> [принцип добровольности в выборе языка обучения] гарантируется предоставлением учащимся, желающим обучаться на родном языке, мест в интернатах при татарских восьмилетних и средних школах <...> [в татарских школах] ряд предметов (преимущественно физика, химия, математика) в старших классах изучается на русском языке” [Махмутов 1976: 270–271].

Численность национальной интеллигенции, национальной по языку, сокращалась в большинстве автономий России всевозрастающими темпами. В цитированном выше докладе М. И. Махмутова указывается, что более 60% “специалистов высшей квалификации и руководителей” (татар) знают русский язык лучше родного. Следствием этого было свертывание книгоиздания, объема радиовещания, сокращение репертуара национальных театров и т. п., что, в свою очередь, влекло за собой снижение престижа собственной культуры в глазах многих представителей национальных меньшинств, а далее — по замкнутому кругу — падение интереса к образованию на этническом языке. Но так дело обстояло не повсеместно, оставались и “благополучные” языки, роль которых в жизни языковых коллективов с подъемом общего уровня образования стабилизировалась или, по крайней мере, снижалась незначительно. Важной характеристикой в этом отношении является относительное количество издаваемой литературы.

Число экземпляров книг и брошюр на 100 человек соответствующей национальности:

	Год		
	1927	1970	1980
Якуты	23	188	217
Башкиры	29	78	74
Марийцы	34	28	19
Коми	48	18	10

Очевидно, что потребление книжной продукции постоянно росло не только у якутов. Коми, имевшие в 1920-е годы более высокий общеобразовательный уровень, не утратили его, а просто дальше марийцев (тем более остальных) зашли по пути культурной русификации. У башкир стабилизация национального книгопечатания связана не только с

большой распространенностью по сравнению с якутами знания русского языка: дело в том, что в массе своей они владеют также татарским языком.

В чем-то сходная картина наблюдалась и в других республиках СССР. Титульные народы республик обладали достаточной “кадровой мощностью”, чтобы иметь возможность “укреплять связь школы с жизнью”, но образование на языках национальных меньшинств, там, где оно еще существовало, постепенно свертывалось, роль языка обучения переходила к республиканскому и частично к русскому, особенно в крупных городах, в первую очередь в столицах. В довоенное время большинство русских и других иммигрантов в национально однородных районах знали местные языки. Новые иммигранты не видели в этом нужды.

Уже к 1974/75 учебному году в ряде республик число русских школ превышало число национальных. На первом месте был Казахстан, где на русском языке учились 68% школьников [Прокофьев 1976]. Вскоре его обогнали Белоруссия и Украина.

На Украине и особенно в Белоруссии не только в образовании, но в средствах массовой информации, в официальном употреблении национальные языки быстро вытеснялись региональными вариантами русского, а украинский и белорусский языки подвергались сильному влиянию русского. Эти республики в известном смысле получили официальное признание территорий русского языка. К 1970-м годам установилась практика внеконкурсного приема студентов по специальности “русский язык и литература” из “нерусскоязычных”, в основном среднеазиатских, республик в пединституты РСФСР, Украины и Белоруссии, зарубежные студенты и стажеры также направлялись во все три республики равномерно.

В Казахстане и, в меньшей степени, в Киргизии русский язык в функциональном отношении заметно потеснил местные языки. Причины этого кроются и в истории (столицы обеих республик располагались в районах русской земледельческой колонизации), и в демографической ситуации, и в уровне развития национальных языков. Вот как характеризовал родной язык киргизский социолингвист в конце советского периода: “современный киргизский язык <...> имеет определенный уровень обработанности и упорядоченности, не обладает четкими признаками нормативно-

сти и кодифицированности, характеризуется недостаточно развитой стилистической расчлененностью” [Орусбаев 1990: 90]. Анализируя далее язык академической грамматики киргизского литературного языка, Орусбаев приходит к малоутешительному заключению: “Язык этого лингвистического текста <...> трудно отнести к научному, нельзя назвать ни литературным, ни диалектным, он, если не брать во внимание некоторых терминов, скорее всего стоит ближе к общеходно-разговорному языку” [Там же: 91]. Анализ русско-киргизского словаря лингвистических терминов выявляет, что термины *твердый* и *глухой*, *звонкий* и *сонорный* переводятся одинаково [Там же: 153]. К схожим выводам приводит также анализ технической и юридической литературы.

В других среднеазиатских республиках вытеснение национальных языков русским шло в первую очередь в сфере промышленного производства и естественных наук. Это особенно ярко проявлялось в районах горнодобывающих предприятий, в городах-новостройках и среди части столичного населения, включая и значительную долю партийно-государственной номенклатуры. Для Закавказья (особенно Армении) аналогичные процессы были гораздо менее характерны, а Прибалтики они почти не касались.

Все это не означает, что в СССР проводился намеренный курс на русификацию, скорее можно говорить о всемерном продвижении и расширении функциональных возможностей общепонятного для всего государства языка. Судьбами остальных языков центр не интересовался, и уровень их поддержки зависел от республиканских и местных властей. Достижение всеобщего национально-русского двуязычия, ставшее стандартным лозунгом с 1970-х годов, имело целью не последующую русификацию, а по возможности быструю идеологическую унификацию в рамках провозглашенной тогда новой исторической общности — советских людей.

Чрезвычайно показательно распространение периодики на национальных языках. Если художественная литература имеет эстетическую ценность, то задача периодической печати — информировать население и осуществлять идеологическое воспитание (при социализме основная тяжесть лежала на втором компоненте). Делается это наиболее удобным способом — удобным как для составителей, так и для читателей. Пока использование определенного “малого”

языка было единственным средством контакта власти с соответствующим народом, на нем создавалась и развивалась периодика; когда же возникала возможность перейти на более распространенный язык, публикации на “малых” языках сворачивались. При этом среди всех народов оставались не вовлеченными в орбиту русского языка монолингвы, но со временем таковыми становились представители старших поколений, интересами которых можно было пренебречь. Правда, равноправие языков было одним из элементов идеологии, поэтому публикации на языках конституционных автономий могли сколь угодно сокращаться количественно, но полностью не прекращались, становясь подчас элементом декора, требовавшего значительных дотаций. Прежде чем умереть, периодические издания часто становились двуязычными, и доля публикаций на национальном языке постепенно сокращалась. Скажем, само название “Нарьяна Вындер” (околожная газета Ненецкого округа) уже создает впечатление национальной периодики, хотя к середине 1960-х годов заголовки оставался единственным ненецким текстом в этой газете.

За советский период количество языков, на которых публиковалась периодика, быстро росло и достигло пика к середине 1930-х годов, затем постоянно уменьшалось до середины 1980-х, потом незначительно увеличилось, не достигая, впрочем, уровня конца 1920-х годов: в 1928 г. — на 58 языках, в 1936 г. — на 86, в 1946 г. — на 70, в 1970 г. — на 57, в 1984 г. — на 54, в 1989 г. — на 56 (число языков обучения по СССР сократилось к этому времени до 43; это означало, что для газет на 13 языках среди подрастающего поколения школа уже не готовила новых читателей).

4. Этноязыковой состав Российской Федерации по данным переписи 1989 г. Языковая лояльность и ее динамика

Результаты развития языковой ситуации в России в советский период можно видеть по итогам последней (1989) переписи населения (табл. 4).

Как видим, основная масса народов, переходящих на русский язык, — это те, кто не имеет в России компактной

этнической территории. Из остальных в угрожающем положении находятся этнические языки карелов и вепсов, а также большинство языков народов Севера (в начале 1990-х годов к их числу отнесены и шорцы). Настораживает положение мордовского, обоих коми, удмуртского. Что касается народов Севера, то сравнительно хорошие шансы на выживание имеют лишь долганский (в структурном отношении очень близкий к якутскому), ненецкий и нганасанский языки; несколько хуже положение чукотского. Направление языковой ассимиляции эвенков, эвенов и юкагиров зависит от места проживания: около половины их живет в Якутии (48% эвенков, 50% эвенов, 61% юкагиров), где уже достаточно далеко зашел процесс их перехода на якутский, который объявили родным соответственно 88, 56 и 31% представителей этих народов. Вне Якутии они переходят на русский.

Заметная языковая ассимиляция, не связанная с русским языком, в недавнем прошлом была характерна также для башкир, но за последние десятилетия у них наметился рост языковой ассимиляции с татарами. Повышается языковая лояльность к этническому языку, а также усиливается языковая русификация. Вот данные трех переписей (%):

Родной язык башкир:	Год переписи		
	1970	1979	1989
башкирский	65,9	66,9	72,8
татарский	30,3	27,0	17,1
русский	3,8	6,1	10,0

Надо отметить, что темпы языковой ассимиляции сильно зависят от демографических характеристик народа. При росте доли городского населения ассимиляция идет быстрее. В сельской местности она зависит от характера хозяйственной деятельности, но в первую очередь — от степени моноэтничности населенных пунктов. Например, на 1989 г. из 3564 селькупов России большинство (1530) жили в Ямало-Ненецком автономном округе (почти исключительно в Красновишерском р-не, не охваченном нефте- и газодобычей) и в Томской обл. — 1347. В первой территориальной группе этнический язык сохранялся в сравнении с другими народами Севера очень хорошо: русский считали родным только 15,2%. А у томских селькупов языковая ассимиляция уже завершалась, 88,7% из них назвали родным

языком русский. Основная причина этого различия в том, что поселки томских селькупов заметно более многонациональны.

Почему народ забывает свой этнический язык? Почему в одних случаях смена языка идет быстрее, в других медленнее? Учитывая приведенную выше статистику и зная ареал расселения различных народов, а также детали языковой политики, мы не видим ничего удивительного в приведенных выше фактах.

В тех случаях, когда имеется надежная лингводемографическая статистика, можно выяснить и некоторые подробности этого процесса. В разд. 3.3 мы говорили, что данные переписей о родном языке не всегда достоверны. Когда народ утрачивает этнический язык, статистика, в том виде, как она известна из переписей, склонна показывать замедленный темп этой утраты. Но все-таки массу поучительной информации из материалов переписей извлечь можно.

Таблица 4

Народность	Численность, человек	С родным русским языком, %	Не говорят по-русски свободно, %
Русские	1 1986 5946	99,95	0,03
Татары	5 522 096	14,18	13,14
Украинцы	4 362 872	57,01	4,90
Чуваши	1 773 645	22,26	11,88
Башкиры	1 345 273	10,05	17,32
Белорусы	1 206 222	63,46	2,87
Мордва	1 072 939	30,83	4,84
Чеченцы	898 999	1,06	24,92
Немцы	842 295	57,99	3,64
Удмурты	714 833	28,94	8,79
Марийцы	643 698	17,82	12,66
Казахи	635 865	11,49	10,10
Аварцы	544 016	1,58	33,14
Евреи	536 848	90,53	2,41
Армяне	532 390	31,83	6,82
Буряты	417 425	13,32	14,34
Осетины	402 275	6,43	10,37
Кабардинцы	386 055	2,23	19,70
Якуты	380 242	5,93	29,09
Даргинцы	353 348	1,50	30,50
Коми	336 309	28,88	8,37

Продолжение табл. 4

Народность	Численность, человек	С родным русским языком, %	Не говорят по-русски свободно, %
Азербайджанцы	335 889	14,62	17,90
Кумыки		277 163	1,7823,55
Лезгины		257 270	4,5026,77
Ингуши		215 068	1,5918,16
Тувинцы	206 160	1,38	39,46
Народы Севера	181 517	36,28	13,07
Ненцы	34 190	17,58	20,28
Эвенки	29 901	28,29	16,03
Ханты	22 283	38,52	10,63
Эвены	17 055	27,42	20,01
Чукчи	15 107	28,32	10,37
Нанайцы	11 883	55,30	4,52
Коряки	8 942	46,78	6,45
Манси	8 279	62,66	4,73
Долганы	6 584	15,37	16,33
Нивхи	4 631	76,20	3,99
Селькупы	3 564	50,59	6,82
Ульчи	3 173	66,53	9,30
Ительмены	2 429	80,20	3,17
Удэгейцы	1 902	68,14	14,30
Саами	1 835	56,78	2,40
Эскимосы	1 704	45,89	5,40
Чуванцы	1 384	71,17	3,90
Нганасаны	1 262	15,29	27,89
Юкагиры	1 112	45,86	17,00
Кеты	1 084	49,45	5,54
Орочи	883	80,97	5,44
Тофалары	722	55,54	5,26
Алеуты	644	72,20	4,81
Негидальцы	587	69,51	8,52
Энцы	198	37,88	13,64
Ороки	179	54,19	5,03
Молдаване	172 671	31,71	6,63
Калмыки	165 821	6,85	6,27
Цыгане	152 939	12,56	10,17
Карачаевцы	150 332	2,10	18,12
Коми-пермяки	147 269	28,71	9,19
Грузины	130 688	28,58	6,85
Узбеки	126 899	18,06	13,74
Карелы	124 921	51,16	2,55
Адыгейцы	122 908	4,61	13,26

Окончание табл. 4

Народность	Численность, человек	С родным русским языком, %	Не говорят по-русски свободно, %
Корейцы	107 051	63,07	5,10
Лакцы	106 245	3,88	18,37
Поляки	94 594	74,71	3,03
Табасаранцы	93 587	2,41	35,14
Греки	91 699	52,30	3,86
Хакасы	78 500	23,13	9,61
Балкарцы	78 341	4,17	15,54
Ногайцы	73 703	2,92	17,32
Литовцы	70 427	39,60	3,84
Алтайцы	69 409	14,77	19,61
Черкесы	50 764	5,22	17,56
Финны	47 102	63,14	2,14
Латыши	46 829	56,62	2,89
Эстонцы	46 390	58,07	3,63
Киргизы	41 734	8,89	36,57
Туркмены	39 739	11,82	11,65
Таджики	38 208	17,38	15,54
Абхазы	32 983	4,25	17,23
Болгары	32 785	53,46	5,15
Крымские татары	21 275	9,63	6,81
Рутульцы	19 503	3,11	33,42
Таты	19 420	14,35	7,54
Агулы	17 728	3,37	27,42
Шорцы	15 745	40,87	5,57
Вепсы	12 142	48,29	2,17
Горские евреи	11 282	21,10	12,07
Гагаузы	10 051	31,90	5,20
Турки	9 890	10,02	21,72
Ассирийцы	9 622	48,82	4,46
Абхазы	7 239	29,59	6,17
Цахуры	6 492	3,20	40,70
Прочие	80 284		
Итого	1 4702 1869	86,59	7,34

Рассмотрим данные о доле калмыцкого языка как родного у разных возрастных когорт по материалам трех последних переписей. При анализе этих данных надо иметь в виду следующее.

Две младшие когорты каждой переписи сопоставимы с данными последующих условно: самая младшая содержит

11 лет (от 0 до 10 полных лет), следующая — 9 лет (от 11 до 19), последующие когорты содержат по 10 лет, исключая самую старшую. Кроме того, данные о владении этническим языком в младших возрастах обычно завышены: они заполняются со слов родителей, причем и для младенцев, которые еще не говорят ни на каком языке, — “на перспективу”.

Самая старшая когорта каждой переписи при сопоставлении с предыдущими “улучшает” степень владения этническим языком: в когорту, условно названную “1920-е годы рождения”, по переписи 1970 г. вошли люди 40–49 лет (1921–1930 гг. рожд.), в 1979 г. — 50–59 лет (1920–1929 гг. рожд.), а в 1989 г. те, кому исполнилось 60 и более лет, т. е. родившиеся не только в 1920–1929 гг., но и раньше.

В табл. 5 приведены данные трех переписей, отражающие процент калмыков (составляющих разные возрастные когорты), которые считают родным для себя язык своего этноса — калмыцкий:

Таблица 5

Когорта (по годам рожд.)	Год переписи		
	1970	1979	1989
1900-е	99,7		
1910-е	99,4	97,7	
1920-е	99,3	96,7	96,6
1930-е	99,5	96,7	96,0
1940-е	98,9	94,2	93,2
1950-е	98,3	93,6	93,1
1960-е	95,6	94,6	94,2
1970-е		92,3	90,9
1980-е			91,0

Мы видим, что языковая лояльность (в данном случае это признание родным для себя языка своего этноса, а не, скажем, русского языка) среди калмыков всех возрастов понижается. “Синхронное” снижение — то, что представители более молодых поколений реже указывают калмыцкий язык родным, — удивляет мало. Наряду с этим можно заметить “диахронное” снижение: среди представителей одной и той же возрастной когорты от одной переписи к другой доля калмыцкого языка как родного снижается (ср. особенно показательные данные по наиболее сопоста-

вимым когортам 1930, 1940 и 1950-х гг. рожд.). Вообще говоря, эти цифры могут отражать всего лишь более высокую смертность среди тех, для кого калмыцкий язык родной. И в этом нет ничего абсурдного: этнический язык лучше сохраняется в сельской местности, а смертность там выше. Но снижение идет слишком неравномерно (за первые 9 лет оно у всех более значительно, чем за следующие 10) и чересчур быстро, чтобы объясняться только этим фактором. Остается другое объяснение: на протяжении жизни часть людей меняет свое отношение к этническому языку, причем все время происходит отказ от этнического языка как родного, снижение языковой лояльности.

Сходные процессы в той или иной степени затрагивают все народы; обратное явление — повышение языковой лояльности — очень редкое.

В городе понижение языковой лояльности идет интенсивнее, чем в селе, что естественно; давно замечено, что сельские жители больше привержены своему этническому языку, чем горожане. А зависит ли языковая лояльность от пола? Данные на этот счет, как и по городскому / сельскому населению, имеются лишь по двум последним переписям. У мужчин-калмыков всех возрастов за 1979–1989 гг. лояльность к этническому языку снизилась с 93,8 до 92,5%, у женщин — с 95,3 до 93,6%. Иными словами, калмычки проявляют больший “консерватизм”. Связано это в первую очередь с положением женщины, менее склонной к внешним, в том числе и межэтническим, контактам.

Данные по другим народам имеют разный характер. У северокавказских народов, как и у калмыков, языковая лояльность женщин выше, у большинства остальных народов соотношение обратное. Вот данные 1989 г. для лиц 1950–1959 годов рождения (табл. 6):

Таблица 6

	Чеченцы	Аварцы	Осетины	Буряты	Татары
муж.	98,8	97,7	92,4	88,7	84,7
жен.	99,1	98,3	92,9	88,3	84,4
	Коми	Мордва	Карелы	Коряки	Манси
муж.	72,9	63,6	36,6	73,9	41,8
жен.	70,0	61,9	35,7	62,7	37,3

Там, где языковая ассимиляция почти не происходит или идет медленно, разрыв показателей для мужчин и женщин составляет лишь долю процента. Что касается различий в языковой лояльности полов у народов, начавших утрачивать этнический язык, то надо иметь в виду, что показатель языковой лояльности лишь опосредованно указывает на реальное знание и использование этнического языка. Мужские показатели выше не столько за счет их повышенной по сравнению с женщинами эмоциональной привязанности к своему этническому языку, сколько в меньшей достоверности даваемых ими сведений: мужчине кажется, что назвать этнический язык родным более “правильно”.

В целом справедлива следующая закономерность: чем выше темпы утраты этнического языка, тем больше межполовой разрыв в языковой лояльности. Другая закономерность кажется совершенно естественной: чем сильнее выражена утрата этнического языка, тем быстрее идет снижение языковой лояльности; при этом чем моложе поколение, тем ниже языковая лояльность и тем быстрее она снижается. В рассмотренной когорте лиц 1950-х годов рождения среди мужчин за десятилетие (1979–1989) языковая лояльность у осетин снизилась с 92,7 до 92,4, у бурят — с 89,2 до 88,7, у мордвы — с 68,2 до 63,6, у карел — с 43,0 до 36,6.

Рост языковой лояльности по отношению к этническому языку характерен только для башкир, но там этот процесс связан с переоценкой отношения к татарскому языку: за тот же период 1979–1989 гг. в когорте 1930-х годов рождения доля лиц с родным башкирским повысилась с 66,5 до 74,2%, в когорте 1950-х годов рождения — с 73,6 до 75,6%.

Народы, о которых шла речь выше, практически не были затронуты внешними (по отношению к РСФСР) миграциями, поэтому есть все основания утверждать, что за вычетом незначительной естественной убыли, люди, составляющие когорты 1950-х годов рождения, зафиксированные переписями в 1979 и 1989 гг., — это одни и те же лица. В данном случае демографическая статистика позволяет делать утверждения относительно эволюции языковой лояльности в онтогенезе.

Миграции могут сильно менять статистическую картину. Например, на характеристиках армян, переписанных в 1989 г. в РСФСР, успела отразиться начавшаяся в 1988 г.

иммиграция из Азербайджана и зоны спитакского землетрясения; доля лиц с родным армянским языком среди въезжавших была значительно выше, чем среди заметно обрусевших армян России, в основном городских жителей. В результате по РСФСР показатель лояльности к армянскому языку в когорте 1950-х годов рождения за 1979–1989 гг. повысился у мужчин с 73,9 до 74,7%, а у женщин — с 64,6 до 68,0%.

Такая этноязыковая композиция составила основу языковой ситуации современной России.

*
* *

Идеологическое осмысление языковых процессов в СССР хорошо умел резюмировать Ш. Р. Рашидов (в 1959–1983 гг. — первый секретарь ЦК компартии Узбекистана): “Все языки нашей страны — а их в Советском Союзе более 130 — постоянно развиваются, становятся все ярче, богаче, колоритнее, многообразнее”; “В возникновении новой, невиданной ранее исторической общности людей — советского народа, укреплении его единства выдающуюся роль играет русский язык. Сегодня он является родным языком этой подлинно интернациональной общности более ста наций и народностей СССР, мощным и действенным фактором духовной коммуникации всех советских людей”; “Язык межнационального общения <...> помогает всем национальным языкам в достижении новых вершин в своем совершенствовании” [Рашидов 1980: 13, 14, 25]. Детально обоснованию таких положений посвящены десятки монографических исследований советских социолингвистов. В советский период на Западе, а в постсоветский — и во многих вновь образовавшихся государствах, наоборот, часто доминирует интерпретация всех этнокультурных процессов в СССР как злонамеренной русификации, осуществлявшейся Сталиным — Хрущевым — Брежневым по ленинским заветам.

Правда, по-видимому, посередине. В целом в течение советского периода шло естественное распространение языка межэтнического общения на едином государственном и экономическом пространстве, характерное для любого государства такого размера и уровня развития. В отличие от многих стран, традиционно относимых к типичным демократиям, в СССР никогда не существовало общих зако-

нодательных ограничений на использование негосударственного языка. Хотя политика в отношении отдельных народов-“предателей” граничила с геноцидом, она — увы — укладывалась в социальную практику построения коммунизма. Не будем забывать, что жертвы “обострения классовой борьбы” численно сильно превышали тех, кто был репрессирован по национальному признаку.

Ранний период советской истории, напротив, дал пример беспрецедентного национально-языкового расцвета, без всяких кавычек. И более чем вероятно, что именно реальная практика выстраивания межнациональных отношений в СССР до середины 1930-х годов, позднее постепенно свернутая до демагогических лозунгов, но продолжавшая оставаться законодательно закрепленной на знамени строителей коммунизма, как раз и была одной из причин того, что в современном наборе общечеловеческих ценностей сохранение этнического и языкового многообразия человечества имеет столь большое значение.

Языковая ситуация на постсоветском пространстве чрезвычайно многообразна, существующие тенденции во многом противоречивы. Ее детальный предварительный анализ дан в неоднократно цитированной выше книге В. М. Алпатова, особенно во втором ее издании [Алпатов 2000а].